

СТЕЙСИ
АМОР

РАДОСТЬ
КНЯЗЯ

Стейси Амор

Радость князя

«Литнет»

2024

Амор С.

Радость князя / С. Амор — «Литнет», 2024

Не думала, не гадала, а в княжеский гарем попала. Продали крепостную Раду восточному князю. Только в теле Рады оказалась я, и перспективы, несмотря на «говорящее» имя совсем не радуют. Тяжело мириться со строгими порядками, язык за зубами держать. А уж когда князь Галицкий на меня смотрит, мурашки по спине стройным рядом выступают. Не сбежать от него, не скрыться, словно следит за мной специально. Продолжение приключений князей.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Рада.	7
Глава 2. Рада.	17
Глава 3. Рада.	26
Глава 4. Демид.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

**КНИГИ МОЖНО ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНО!!!!
 ПЕРВАЯ КНИГА ЗДЕСЬ**
<https://litnet.com/shrt/u7UY>

Пролог

Виски словно тисками сдавили. Дышалось тяжело.

Почувствовала, как чужие руки елозят по моей спине, как развязывается узкий корсет, и ощущается свобода, долгожданная свобода от мучительного предмета одежды.

Глубоко вдохнула воздух, наполнила им легкие...

— Что же, ты, Рада, — слышу мужской бархатистый голос, — не захотела меня порадовать сегодня?

А я так устала, что реагировать не могу. Единственное мое желание: нормально выспаться. Точнее, заснуть, а проснуться в своей реальности. Без гаремов, без злых женщин, без князя Галицкого, который, кажется, положил меня на свою кровать.

Хороша наложница, пришла в его покои, а зайдя внутрь, рухнула в обморок.

Хотя исход был предсказуемый. Двигаясь по коридору, ноги дрожали так сильно, что я превратилась в какой-то звенящий комок нервов, состоящий из шелковых отрезков, золота и атласа.

А меня самой не было. Я пропала давно, в день, когда моя душа переместилась в этот мир.

Как ему объяснить, что боюсь Демида до одури? Что, несмотря на тяжелую роль крепостной, от привычек восточных князей далека. И что не способна лечь на белоснежные простыни и изображать восторг.

— И что с тобой делать? — раздалось надо мной.

В комнату зашел еще один человек. Я отчетливо услышала легкую поступь.

— Вы звали, Ваше Сиятельство? — узнала интонацию Алии. — Вам нездоровится?

— Нет, осмотри девушку, — впечатление, будто Демид хмурится. — Упала, в сознание не приходит. Я разрезал ленты на корсете.

— Одну минуту, Ваше Сиятельство, — проговорила лекарша и опустилась ко мне.

Приложила ухо к груди, пощупала пульс, осторожно ущипнула за талию.

Я могла отозваться, да больно не хочется продолжать эту ночь. Может, мужчина посчитает меня больной, заразной? Выберет кого-то другого? В гареме достаточно красавиц, мечтающих занять мое место. Почему он указал на меня — загадка.

— Здорова наша Рада, — хмыкнула женщина. — Переволновалась, скорее всего. Хотите, я передам все вашей матушке? Она другую наложницу пришлет?

Да-да, соглашайтесь, Ваше Сиятельство. Недостойна я вашего общества. Пусть Элина, Айгуль или Саня меня заменят. Они мне чуть платье не порезали, между собой едва не подрались ради сомнительной возможности. Оставьте меня одну.

— Значит, ничего опасного? — спросил Галицкий на всякий случай.

— Ничего опасного. Могу ей дать эфиром подышать. Мигом запрыгает, как молодая козочка.

— Нет, не стоит, Алиа, — остановил ее хозяин дома. — Пусть сама очнется. Можешь быть свободна. А, возьми... — судя по звукам, вручил ей увесистый кошелек. — Не болтай никому, что у меня в спальне случилось. Сплетни пойдут, знаю, с кого спросить.

Вроде говорит мягко, но чувствуется в голосе сила и металлические нотки. Не просит, велит.

— Как прикажете, — поклонилась женщина и, не разворачиваясь, попятилась к дверям.

Створки захлопнулись, и я снова в западне. От осознания своей неминуемой участи стало жарко. Откажу, силой же возьмет. Плевать на мое мнение.

— Вставай, вижу, что пришла в себя. — Как? И он, будто догадался, словно мысли мои прочитал. — Зрачки под веками двигались, Рада.

Пришлось подниматься и перестать строить из себя обморочную. Сползла с кровати, чтобы ненароком не оскорбить дворянина, и послушно села на ковер. Почти не двигалась, ловила на себе тяжелый взгляд и отчаянно стискивала кончики пальцев.

В последнее время на ногти смотреть страшно. Вся кожа в заусенцах, в царапинах.

— Я прошу прощения, Ваше Сиятельство, — промолвила, когда молчание стало совсем тягостным. — Понимаю, вы разгневаны. Если пожелаете позвать другую девушку, то...

— Нет, — громко отрезал Демид, стоявший напротив.

Он сократил расстояние между нами, приблизился и подхватил меня за подбородок, поднимая глаза.

Не понимала, чего он добивается. Дураку ясно, что я не хочу. И что ночь сахарной не станет.

— Что же тогда? — изогнула брови.

Он жестом показал, чтобы поднималась. Подбородок отпустил, но взялся за ладонь, а свободной рукой убрал с моего лица непослушные пряди.

— Боишься меня, да?

— Да, — подтвердила я, смущаясь одновременно и его касаний, и близости.

— Не бойся, принуждать не буду.

Глава 1. Рада.

— Рада, пойдем, хоть на павлинов посмотрим, — звала меня младшая сестричка.

Ну, как младшая. Даже не моя. Но за несколько месяцев к юной Дарине я прикипела. Слишком она наивная, добрая. Всем подряд верит.

Ей нравилось в Биярской губернии, во дворце князя Галицкого. Что она видела за свою короткую жизнь? Комнаты усадьбы, где трудилась ее мать горничной? Двор, где работал отец?

В имении животных заводили исключительно ради пользы. А здесь глаза разбегались от ярких красок.

Я почти три месяца провела в новом мире, старые воспоминания словно заглушились. Задумаюсь, но вспомнить не могу прошлую жизнь. Хотя умения, характер оставались прежними. Я вроде знаю, кто я, как моя реальность была устроена, но чем занималась, чем жила, сколько лет мне точно назвать не могу.

Чудеса, а может и проклятие.

Грустила ли я? Безумно. Хотела ли обратно? Очень.

А как не хотеть?

Теперь меня именовали Радой, и я была дочерью крепостной. Месяц назад меня и сестричку продали, будто мы не люди, а собаки какие-то. Выставили на базаре на всеобщее обозрение, а незнакомая женщина в шелковом платье и в золотых сережках нас купила. Позже выяснилось, что я и Дарина понравились вдовствующей княгине, подбирающей наложниц для своего сына.

Следовало молчать, покоряться, знать свое место. Взгляд лишний раз не поднимать и всех слушаться.

— Пойдем, — улыбнулась ей и подхватила предложенную ладонь.

Жили мы не в доме, в настоящем дворце со множеством комнат. Я быстро разобралась, что к чему, и дивилась пестрому убранству.

Биярская губерния когда-то была захвачена кочевыми, восточными племенами, позже заключила мир с империей. В данный момент землями правил потомок — князь Галицкий. И хоть страна жила чуть по иным законам, в древние традиции востока государь не лез. Позволял дворянину следовать своим заветам.

Оттого в городе и дворце сплетались несколько культур. Отделанные комнаты, похожие на европейские, сменялись на диковинные южные. На улице люди болтали чистым русским языком, но иногда проскакивали словечки: матур, сылу, патша улы.

Купленных наложниц работать не заставляли. Наоборот, зорко следили, чтобы девушки были отдохнувшими, здоровыми, чтобы красота не угасла, чтобы беседу могли поддержать. Всех обучали: и истории, и иностранным языкам, и игре на музыкальных инструментах.

Уставшая от тяжелого труда Дарина радовалась появившейся возможности. Мечтала попасть в любимицы князя и часто говорила об этом. Я же предпочла бы подобной участи избежать.

— Красивый, — вздохнула сестра, глядя на разноцветную птицу.

— Очень, — согласно кивала я.

Она хитро прищурилась.

— Я тебе одной скажу, но сохрани новость в секрете, — произнесла заговорщически.

В первые же дни обзавелась множеством подруг, активно сплетничала, смеялась с ними. А я держалась особняком, привыкая к новым правилам. Только с участием крепостной смирилась, и в невольницу превратилась. И поделиться горестями не с кем.

— Хорошо, буду молчать.

— Слухи ходят, что Демид Галицкий сегодня приедет, — заливалась она звонкой трелью.
— Праздник устроят. Вдруг он меня выберет?

— Я бы поостереглась, — я скривилась.

Сказывалось влияние прежнего мира. Дарине шестнадцать. В моих глазах она ребенок несмышленный. А все туда же.

— Ничего ты не понимаешь, Рада, — покрутила головой сестричка. — Если тебе нравится сиднем сидеть, то это не значит, что я подобной судьбы желаю. Боги дали мне новый шанс, я им воспользуюсь.

Целеустремленная девочка.

И словно накаркала. С летней веранды пришло несколько взрослых женщин. Они-то и отвечали за наше воспитание и обучение.

— Пойдемте, девушки, — уставилась на меня Алия, целительница, достигшая среднего возраста. — Княгиня всех через час собирает. Сегодня Его Сиятельство возвращается домой. И не просто возвращается, с новым званием. Ему Николай Романович орден вручил, героизм отметил. Карима Алановна выбирать будет наложниц на праздник.

Она незаметно указала пальцем вверх. Я подняла глаза и обнаружила, что мать хозяина губернии вышла на балкон и наблюдает за нами. Женщиной она была красивой, статной. Предпочитала наряжаться в традиционные платья и строго поддерживала порядок в созданном ею гареме.

Я с ней не сталкивалась. Где она, а где я. Зато слышала, что характер у Каримы Алановны не сахар. Сына она любила безмерно, почуяв опасность, могла и лично жизни лишить. Страшная женщина.

— Можно я задержусь ненадолго? — попросила вежливо, выпуская пальцы Дарины. — Минут десять займет.

Алия с подозрением на меня взглянула. Из всех девушек по странному стечению обстоятельств она выделила меня, и своей заботы не скрывала.

— Темнишь ты что-то, Рада.

— У воды посижу, — оглянулась на садовый пруд. — Это быстро.

Не могла себе объяснить, по какой такой причине, но любая вода меня притягивала. Я бы в банях сидела вечность, у пруда всегда задерживалась. Иногда мне казалось, что я чувствую каждую капельку, каждую волну. Обожала кидать плоские камешки, смеялась, если они касались глади, снова подлетали, и через пару таких приемов окончательно погружались в синеву. По-моему, в моем мире это называлось «запустить блинчик».

Алия позволила, но строго наказала, чтобы через двадцать минут я возвращалась в гарем. Заверив целительницу, что наказа не ослушаюсь, занялась своими делами.

Старалась забыться.

Сегодня у меня ничего не получалось.

— По-моему, вы все делаете не так? — услышала мужской баритон за спиной.

Кто? Что? Как?

В гарем мужчин не допускали. Вообще никаких. Издалека мы иногда видели часть воинов, охранявших княжескую территорию. Но чтобы рядом, неподалеку...

Мгновенно отпрянула, пошатнулась и едва не рухнула в этот самый пруд. Меня подхватили за талию, не дали упасть.

Я резко обернулась и ошарашенно вздохнула.

Стражник? Здесь? Какими судьбами?

Испугалась я не на шутку. За подобную провинность наказание и для него, и для меня строгое.

— Отпустите, — тихо проговорила, косясь на балкон.

Кому угодно готова молиться, лишь бы наше уединение не нарушил какой-нибудь любопытный нос.

— Тогда вы упадете, барышня, — по-моему, незнакомец надо мной посмеивался.

— Поставьте меня и отпустите, — фыркнула, но почувствовала, как расслабились мужские руки.

Ощувив твердую почву под ногами, на всякий случай сделала несколько шагов, подальше от воды. Я от шока и во второй раз рискую свалиться.

— Вы свободны, — еще раз усмехнулся мужчина.

Чтобы его рассмотреть, невольно пришлось поднять подбородок. Слишком высокий оказался собеседник, чуть ли не на три головы выше.

Он стоял, закрывая собой закатное солнце. Лучи выгодно подсвечивали загорелую кожу. Стройный, широкоплечий, с темной щетиной, очерчивающей выразительный подбородок. Прическу он носил короткую, а в карих, явно смеющихся глазах застыла заинтересованность.

Во мне?

— Как вас зовут, красавица? — он первым нарушил тишину.

Сначала думала представиться, но пришла запоздалая мысль, что он способен меня выдать. В здешней иерархии я не разобралась, хотя следовало бы. Мало ли кем он окажется?

— Ох, простите, простите, — покраснела я, приподнимая длинные юбки. — Простите, что я такая неуклюжая. Мне пора.

— Подождите, — сдвинулись его брови. — Куда вы торопитесь?

— Неважно, — бурчала себе под нос, уносясь вперед, в комнаты.

И надеялась, что стражник за мной не побежит и не сделает попыток остановить. Слава Вселенной, он так и поступил, но я отчетливо чувствовала чужой взгляд, буквально впившийся в мою спину.

Зашла на террасу, скрылась за углом и судорожно задышала.

— О, Рада, — из ниоткуда выскочила сестричка. Заметив выражение на моем лице, она скривилась. — Что с тобой? Ты будто призрака увидела?

Почти, только он точно имел плоть и кровь. Полагаю, что в моих нынешних реалиях призрака я бы испугалась меньше. Что он мне сделает?

— Нет, забудь, — отмахнулась от нее, но осознав, в какой опасности находилась минуту назад, ревностно спросила Дарину. — А ты чего здесь делаешь?

Неужели следит за мной?

Пожалуй, прозвучало грубо. Сестра не ожидала подобного тона, обиженно шмыгнула носом.

— Меня Алия за тобой послала.

— Алия.

— Да, Алия. Сказала, что ты задерживаешься.

Я действительно задержалась и Дарине нагрубила, которая моих подозрений не заслуживала. С другой стороны, я понятия не имела, кому в этом мире можно доверять, а кому нельзя.

Как-то я сюда переместилась. Без объяснений, без явных причин. Вдруг, сестренка — злая колдунья, или та же Алия, или тот мужчина, чье имя осталось для меня загадкой.

— Прости, не хотела тебя обижать, — извинилась перед девушкой. — Просто устала.

— Плохо, что ты устала, — цокнула она языком. — Скоро праздник намечается. А зевать перед князем и его семьей некрасиво. Хочешь, попрошу Алию тебе бодрящий настой приготовить.

— Нет, спасибо, — меня аж передернуло. К местным эликсирам и медицине в целом я относилась настороженно. — Обойдусь, обещаю тебя не позорить.

— Лучше пообещай мне другое, Рада, — Дарина хитро захлопала ресницами.

Знала, что мне сложно ей отказать.

— Что?

— Постарайся меня не затмить.

Я взглянула на сестренку внимательнее.

— Затмить? Тебя? Где?

Дарина устало выдохнула, словно показывала, что я несу какую-то чушь.

— На празднике, Рада, — закатила она глаза. — Хочу князю понравиться.

— А с чего ты решила, что именно тебя пригласят? — я давилась собственной усмешкой.
— Тем более меня?

— Как с чего? А, — она поморщилась и взмахнула ладонью. — Ты же гуляла. Уже давно имена назвали. И мы в числе счастливиц, — мечтательно произнесла девушка. — Так что торопись. — Теперь она чуть ли не тащила меня. — А то все платья разберут.

Я ее восторга не разделяла, но послушно пошла вперед. Праздник, так праздник. Просьбу ее определенно выполняю. Отсижусь в уголочке, как всегда, никому не помешаю, а когда будет прилично, выскользну из зала.

Планам не суждено было сбыться.

Во-первых, сложилось впечатление, что ставку делали на меня, потому что мне достался самый красивый и великолепный наряд. А во-вторых, когда все девушки из гарема расселись в общем зале, пока ждали Его Сиятельство и княгиню, меня поймала Алия и отвела в сторону.

— Рада, знаю, что ты никак не смиришься со своим положением. Но будь более рассудительной и осторожной.

— О чем ты? — недоуменно уставилась на женщину.

— О твоей встрече с князем. Нельзя себя так вести. Надо было поклониться, принести извинения. А ты, что?

— А я, что? — повторяла за ней, как умалишенная.

Какая встреча? Что за бред?

— А ты в его руки рухнула, а после сбежала. Какая крепостная себя так ведет?

— С князем, Алия? Нет, — не могла поверить в подобную возможность. — Он же только прибыл. Это стражник был.

Пожилая женщина поджала губы.

— Какой стражник, дурочка. Это князь Галицкий был. Помолись богам, поблагодари, что никто не видел вас, кроме меня, и что он на тебя не осерчал. Видимо, по тебе видно, что неразумная ты, глупенькая.

Словно мне назло, наступила тишина. В зал вошел хозяин дома, сопровождая матушку. И это был тот самый незнакомец, который спас меня от позорного падения в пруд.

Вот попала.

— Все, беги на место, голубка, — шикнула на меня Алия. — Иначе обоим попадет.

Стараясь не привлекать внимания, жавшись к стенке, я пробралась к сестре. Но даже несмотря на мои усилия, заметила, как за мной наблюдают.

Карима Алановна недовольно поджала губы, злясь, что порядок нарушен. А вот князь Галицкий никаких эмоций не показывал, но я все равно чувствовала себя не в своей тарелке.

Плохо, очень плохо, что я тогда наставницу не послушалась, не ушла со всеми девушками. Теперь опять задержалась.

К счастью, заиграла музыка. Да и в зале находилось достаточно знатных гостей. Со всеми Его Сиятельство здоровался, всем жал руки, принимая их раболепные поклоны. У меня в голове не укладывались местные порядки. Гремучая смесь востока с западом.

Вроде память услужливо подставляла знания из истории, но я не помнила, чтобы стелкивалась с подобным. И от этого становилось тоскливее и страшнее. Не уживусь я здесь, не смогу сойти за свою. То и дело на самом простом ошибаюсь.

— Видишь князя? — шепотом спросила Дарина. — Он тебе нравится? Скажи, красивый?

— Красивый, да, — погладила сестренку по руке. — Но ты бы ни на что не надеялась. Ты крепостная, Дарина.

— И что? — подбоченилась девушка. — Пусть и крепостная. Демид уже долго в холо-
стях ходит, и у восточных князей в традициях жен из гарема выбирать. А мы, Радка, — она
оглянулась по сторонам, проверяя, не подслушивает ли кто, — здесь самые красивые.

Ее бы характер в мирное русло, в учебу, например. Нет, втемяшила себе в голову несбы-
точную мечту.

Портить настроение сестрице не решилась. Хочет и хочет. За глупые чаяния не бьют.
Вдруг получится? Может, поможет мне сбежать отсюда?

Мы сидели по краям, но наш стол оказался ближе всего к княжескому. Невольно, все
барышни стали свидетелями чужого разговора.

— Рада, что ты вернулся, сын, — Карима Алановна улыбалась отпрыску. — Как поездка?
Все ли в столице в порядке?

— Не праздничный разговор, матушка, — насупился мужчина. — Я же предупреждал,
чтобы вы пир не закатывали.

— Как же я своего наследника, и достойно не встречу? — возмутилась вдовствующая
княгиня. — У меня только ты и остался, ради тебя, одного живу.

— А зачем новых девушек купили? — морщился Демид Галицкий. — Я говорил, что
гарем намереваюсь распустить, что это не в правилах страны.

— Не пори чепухи, улым, — обиженно фыркнула женщина. — Самых лучших для тебя
выбирали. По всей губернии проехали, выкупая крепостных. Неужели ни одна не пригляну-
лась?

У меня сердце в это мгновение остановилось. Почувствовала, как капелька пота стекает
по спине.

— Нет, — произнес Демид и... вперился своим взглядом в меня. — Ни одна.

Прозвучало обидно, хотя я должна была испытывать облегчение. Ошиблась Даринка,
светловолосые, сероглазые не во вкусе хозяина дворца. Впрочем, и слава богу.

— Ты только прибыл, дорогой, — усмехнулась Карима Алановна, — еще не видел никого.
Это дело поправимое. Девушки, девушки.

Браслеты на ее руке призывно зазвенели. Оркестр остановился, смешавшись от не самого
красивого жеста.

— Покажите князю свои таланты, потанцуйте, — приказала всем княгиня.

Музыканты снова дотронулись до инструментов. Большинство жительниц гарема встали
со своих мест и прошли вперед, покачивая бедрами. Туда же устремилась Дарина, не забывшая
показать мне язык.

Я в танцах не блистала. Держалась скованно, слишком стеснялась. Ругань не помогала, в
похвалу я не верила, оттого и сидела сиднем. Зачем мешать, раз показывать нечего?

Пока все наслаждались плясками, Демид о чем-то перешептывался с матерью.
Неслышно, словно догадался, что каждое сказанное слово улетает и разносится по гарему пыш-
ными слухами. По довольной улыбке Каримы Алановны, по ее ответам, что я читала по губам,
пришла к выводу, что князь визнает имена наложниц. А говорил, что распустить хочет.

— А это кто? — кивком указал на меня, когда танец девушек закончился.

Вздвогнув, поняла, что грубый вопрос адресован Кариме Алановне. Раздражало, что
Галицкий во всеуслышание спрашивает, будто я не человек, а вещь.

Впрочем, ею по их меркам, и я была. Мне продали, потом купили. Могли подарить, могли
себе оставить.

— Она? — брови княгини образовали дугу. — Радка, новенькая. Ее боги гибкостью и
другими талантами не наградили.

— Это уже мне решать, — прищурился князь. Поднял ладонь и поманил меня пальцем.
— Рада, да? Подойди?

Мои соседки по столу вернулись, по пути, полагая, что их лица не видно, одаривали меня жгучими взглядами. Аж жарко стало. Была бы их воля, я бы моментально загорелась. Дарина тоже не обрадовалась, вспыхнула от негодования.

Встав перед столом, я вежливо поклонилась каждому. Застыла, не представляя, о чем может поинтересоваться Его Сиятельство.

— Рада, значит. Хорошее имя, доброе. Танцевать ты, Рада, получается, не умеешь.

— Не умею, — согласилась я.

— Но быть такого не может, чтобы женщина ничем не одарена была. Чем ты любишь заниматься?

Читать книги и прятаться. Правда, вряд ли мой ответ устроит барина. Он представление хочет увидеть, а не слушать мои сказки.

Я зарделась. Может, действительно сказку рассказать? Побуду в роли Шахерезады. Теперь я к легендам и мифам с большим уважением отношусь.

Когда молчать стало совсем неприлично, я грустно вздохнула. Но из неудобного положения меня спасла княгиня. За ее спиной кто-то прошел мимо. Вручил ей записку и отбыл.

Она прочитала, мельком взглянула на часы, дотронулась до плеча Демида и что-то прошептала ему.

— Праздник закончен, — мужчина встал и подал руку матери, — расходитесь.

Радуюсь, что опасность привлечь к себе еще больше внимания меня миновала, я поспешила за сестрой и другими девушками. Дарина меня подчеркнуто не замечала, ускорила шаг и свернула в свою комнату. Обиделась.

Я собиралась пойти за ней, душевно поговорить, прежде чем эта дуреха надумает лишнего, но далеко уйти не получилось.

В женском коллективе, соревнующемся за сердце мужчины, наложницы натурально сходили с ума.

В большом холле, который принадлежал женской территории, меня обступили три девицы, проживавшие во дворце несколько лет.

Первую звали Элина. Красивая, жгучая брюнетка с пухлыми губами и очень женственной фигурой. Она была ненамного старше меня.

Вторая Айгуль, тоже темноволосая, но менее привлекательная. Она крепко дружила с Элиной, но их общение походило на отношения мышки, случайно встретившей кошку. Элина ее то привечала, то ругалась с ней.

Третья Сания, она была небольшого роста, с рыжими волосами и зелеными, притягательными глазами. А еще она была самой главной скандалисткой, крикуньей гарема.

Поэтому, столкнувшись с ними, осознала, что эта встреча ничего хорошего мне не принесет. По какой-то нелепой причине они называли себя старшими, хотели, чтобы им подчинялись и вели себя совершенно несносно.

До этого дня к новеньким они не приближались, мы для них были пылью в глазах.

— Змея, ты чего задумала? — первой обратилась ко мне Элина. — Хочешь князя нашего украсть?

Ее громкий голос заглушил фонтан, из которого потоком лилась вода.

— Даже думать о нем не смей? — вклинилась в ссору Айгуль.

Предчувствуя что-то неизбежное и плохое, другие жительницы гарема рассредоточились и закрылись в покоях.

Мне же хотелось рассмеяться. Не ту противницу они выбрали, не ту. Я, наоборот, мечтаю сбежать отсюда скорее, уйти из дворца, и от Демида Галицкого подальше. Плевать мне на

княжескую любовь. Я хочу прояснить чудесное перемещение, новое тело, подозрительную, частичную потерю памяти.

Присматривались бы лучше к Дарине, ей-богу.

Сестру я, конечно, выдавать не планировала. Мала она для женских интриг. Сущий ребенок.

— Или что? — скрестила руки на груди. — Мы в гареме. Я не по своей воле здесь оказалась.

Наверное, мне стоило поступить иначе. Алия, обучая новоприбывших, любила повторять про покорность и смирение, но я, воспитанная в другом мире, свободная и гордая, решила не давать выскочкам спуска.

С ними по-другому нельзя. Я долго наблюдала за крепостными, не вмешивалась ни в какие конфликты, но сделала про себя печальный вывод. Позволишь единожды обидеть себя — расценят слабой и безвольной.

— Тогда сиди и помалкивай, — фыркнула Сания, со злостью поглядывая на меня. — Иначе...

— Что иначе?

Элина, Айгуль и Сания переглянулись.

— Лицо расцарапаю, — тихо произнесла высокая брюнетка. — Демид на тебя не посмотрит, отправит в служанки-работницы. Руки в мозоли сотрешь.

И ведь могли. Какие только козни не устраивала троица, лишь бы убрать со своего пути соперниц. При мне одна девочка попала к целителям, когда ей подмешали хмельную траву. Несчастная отравилась, а до этого устроила представление, которое застала Карима Алановна. Ее удалила, две недели лечили. Виновников, как водится, не нашли. Позже я узнала, что пострадавшую отправили вон из двorca.

— Давай, Элина, — раздраженно бросила я. — Здесь же нет никого. Вас трое, я одна.

Пришла странная уверенность, что со мной ничего не случится. Что это наложницам надо меня остерегаться. Словно кто-то мне в мозг забрался и разговаривает, команды дает.

Не могла объяснить своих эмоций, чувств. Ощутила легкое покалывание на пальцах и предельное спокойствие. Прямо царственное.

Девушка оглянулась, проверяя, не пришел ли кто-то. Но по женской территории мы могли перемещаться свободно, здесь за нами не смотрели.

Все трое меня начали окружать, намереваясь, похоже, искупать или вовсе утопить в фонтане.

— Тварь безродная, сейчас я тебе покажу... — Элина замахнулась.

Я вскинула руки, чтобы защититься, и неожиданно, вслед за моими кистями, из фонтана брызнул сильный поток воды. Смел брюнетку с ног, намочив напрочь ее платье.

Не особенно разбираясь, как это произошло, повернулась к Айгуль и Сании. Поток последовал и в их сторону.

Меня распирало, я будто наполнилась чем-то новым. Могла горы свернуть, но...

Я поймала их напуганный взгляд. Это они смотрели на меня с ужасом, это они отпрыгнули подальше, побоявшись, что я способна с ними что-то сотворить.

Вода расплескалась на полу, едва я осознала, что могу быть причастной к произошедшему.

Неужели это и правда я сделала?

Невозможно, как, зачем? Что за сюрприз необъяснимый?

Я бы и дальше размышляла, да Элина начала плакать и вопить.

— Помогите! Помогите! На меня напали! Рада, ведьма, убить меня хочет!

На звон ее громкого голоса прибежало несколько женщин разных возрастов. Большая часть из них в гареме также давно, и ко мне относятся настороженно. Новичков, выскочек на

женской половине не любят. Тут своя система, очень жестокая, чем-то похожая на искорененную дедовщину в армии.

— Да, она ведьма, — повторяли за Элиной Айгуль и Саня.

— Не мелите чепухи, — фыркнула Алия, вышедшая вперед. — Всех девушек перед приездом на магию проверяют. Вы ее, небось, хотел в углу зажать, да отомстить, как вы любите. А Рада вам не далась.

Целительница оглянулась на меня, ожидая поддержку. Но я, идиотка, просто стояла и молчала. Мысли крутились лишь об одном.

Магия? Она сказала магия? В этом мире ей пользовались, многие дворяне были наделены различными дарами, и насколько мне было известно, род Галицких славился огненным волшебством.

Неужели и во мне она есть? Пора перестать удивляться причудам Вселенной. Перенеслась же я как-то в альтернативную реальность, ни на что не похожую.

— Нет, — плаксиво отвечала Элина, — Рада нас потоком воды смела. Мы ее и не трогали. Она первая начала.

— Да, первая, — выступила фыркнувшая Саня.

— Я тоже подтверждаю, — закивала ошеломленная Айгуль.

На немой вопрос наставницы я разводила руками. Понятия не имела, как объясниться, как отпираться, если троица будет упрямо утверждать обратное. В этот момент ужаснулась, осознавая, как легко им давались расправы над соперницами. Слышать об этом — одно, а когда именно с тобой поступают грязно — совершенно другое.

— Алия, ты же мудрая женщина, — внезапно сверху раздался еще один голос, доселе мне незнакомый. — Не верь этим змеям. Я был наверху и все видел.

У меня ладони в лед превратились. Кто видел? Что видел?

Подняла голову наверх, встречаясь взглядом с пожилым мужчиной. У него была привычная восточная внешность — темноволосый, темноглазый, борода достигает груди, еще не скрючился от возраста, но по вискам прошла легкая седина. И было в нем что-то такое, странное, необъяснимое. При нем я себя малолетней девочкой почувствовала.

— Поклонись, дурная, — шепнула Алия, — это наставник нашего князя, учитель Мансур.

Он спускался с небольшого балкона, возвышавшегося над холлом. Туда редко заходили, потому что перила едва достигали колен. Поговаривали, что пара девушек в незапамятные времена оттуда свалились. Нынешние жительницы гарема тихий, укромный уголок избегали, позабыв о том, какой живописный вид оттуда открывается.

— Этих, — учитель Мансур щелкнул пальцами, а потом указал на моих обидчиц, — высечь, чтобы лгать и злословить неповадно было. Сами на девушку напали, забрызгались, одежду испортили. Теперь на нее свою вину сваливают.

— Это неправда, — заголосила Элина, испугавшись наказания. — Вы ведь сами все видели. Она на нас напала. Мы ее припугнуть хотели.

— Припугнуть? — Алия схватилась за сердце. — Чему мы вас учим?

— Я видел, что вы трое ревностью удавились и новую девицу решили изжить, — безапелляционно заявлял пожилой мужчина. — А это у нас не приветствуется.

— Простите, простите нас, — кинулась на пол Саня. — Это все она, — девушка злобно посмотрела в сторону своей закадычной подруги. — Она нас надоумила.

— Когда ты говоришь, — Мансур поморщился, — слова твои должны быть лучше молчания. Алия, уведи негодниц, а ты... — я пропустила несколько вздохов, — иди за мной.

Не хватило мне храбрости, чтобы возразить. Послушно последовала, замирая то от страха, то от любопытства.

Как-то незаметно для себя самой, я покинула женскую половину двора, перешла на мужскую, где сновали крепостные князя и чиновники.

Мне бы испугаться, спросить, куда меня ведут, но интересно же, чем живет другая часть. На ней я еще не была.

Изумленные моим присутствием мужчины пялились в пол, едва я приближалась, что-то бормотали себе под нос.

Здесь все было по-другому. Строже, резче, темнее. Словно все красивое специально перенесли в гарем. Отсутствовали восхитительные витражи, не хватало растений.

Мы вошли в свободное помещение, и, подняв голову, я догадалась, что покои принадлежат Мансуру. Он был учителем Демида, полагаю, воспитывал его с юного возраста, обучал и магии, и другим наукам.

Поэтому в комнате хоть и было пустовато, но для одного вельможи слишком много книг. Посередине стоял большой стол, закиданный пергаменами, за ним большой шкаф с фолиантами.

— Садись, — приказал мужчина, показывая на одинокий стул перед ним.

Я безропотно подчинилась, давила в себе тонну возникших вопросов и ждала, когда наставник Мансур начнет первым. Но перед этим все же захотела его поблагодарить.

— Спасибо, — залепетала я, пока он обходил свое рабочее место. — Спасибо, что вступились.

— Ты, значит, стихийник, — он не обратил внимания на мои слова, водрузил на нос очки и положил свой подбородок на выставленные руки. — Над водой колдуешь. Почему скрыла?

В горле мгновенно пересохло. Все-таки он видел больше, чем говорил.

Потупившись, предпочла сознаться.

— Я ничего не скрывала. До той секунды мне было неизвестно, что вода меня послушается. Все произошло случайно.

— Случайно? — хмыкнул он.

— Случайно, — начала заведенно кивать, боясь, что наставник Демида мне не верит. — Меня изнутри распирало, и воду я всегда любила. Притяжение к ней чувствовала, из бани бы никогда не выходила, она меня успокаивает. А сегодня...

— Я понял, понял, Рада. Не трясись, — с ухмылкой отозвался Мансур и почесал бороду. — Это занятно... очень. Магов воды в Биларской губернии и с десяток не наберется. Выяснит кто твою особенность, мигом замуж выйдешь...

Я изменилась в лице. Замуж? Мне бы с перемещением разобраться, с идиотками-завистницами. Куда мне со своим характером и воспитанием замуж?

Мудрый старик сразу все понял и рассмеялся.

— Тебе известно, по какой причине одаренных магией девиц в гарем не берут?

Покачивая головой, я все-таки назвала свою догадку.

— Чтобы князю не навредили?

— Именно, — согласился учитель Его Сиятельства. — Все девушки учтены, о каждой доклады написаны. Как так получилось, что ты, обладая редкой силой для наших земель, живя среди крестьян, получила подобное умение?

Как, как, ловкость рук и никакого мошенничества. А честно, у меня ответов еще меньше, чем у седого Мансура. По нему видно, он в магии сведущ.

Я пожала плечами. Учитель не проникся, проводив мои жесты неодобрительным взглядом.

Внезапно за дверью раздались шаги. Ручка дернулась, и в комнату вошел Демид Галицкий.

— Мансур, прости за поздний час. Я за советом... — глаза князя уставились на меня. —
А что она здесь делает?

Глава 2. Рада.

Я замерла, испугавшись, что верный учитель мигом сдаст всю информацию обо мне. Если в гарем одаренным магией нельзя, куда мне податься? Пусть я хочу сбежать, но ведь не идиотка. У меня мало знаний, нет никакого влияния. Я за пределами гарема и шага не сделаю, чтобы в новые приключения не попасть. Прежде чем задумываться о побеге, его подготовить нужно.

— Да так, — почесал бороду Мансур. — Девушку обидели, обвинили почему зря, а я успокоил. Ты вроде девиц своих распускать собирался. Зачем новых привели?

Подозрительно взглянула на учителя князя. Зачем он меня покрывает? Тему меняет судорожно. Обычная доброта, или за ней что-то кроется? Хотя... какая разница. Я ему уже должна, одним долгом больше, одним меньше...

— Обвинили, успокоил? — недоумевал Демид, переводя свои карие глаза с меня на мужчину и обратно.

Но он также быстро сладил с эмоциями, выпрямился и вкрадчиво произнес:

— Рада? Ты же Рада?

— Да, Ваше Сиятельство, — поклонилась я, отчаянно надеясь, что дрожь по телу не очень заметна.

— Иди к себе, — приказал мужчина. — Тебя никто не тронет, а я с твоими напастями разберусь.

Невольно я обратила взор на Мансура, что опять же не укрылось от хозяина дворца.

— Посмотри, защитника в тебе нашла, — недовольно хмыкнул он. — Уходи, Рада.

К сожалению, выражение, написанное на лице старика, было нечитаемым. Пришлось просто молиться, чтобы учитель меня пожалел.

Я поклонилась еще раз, попятилась и вышла за дверь. Долго озиравлась по сторонам, делая попытки вспомнить, откуда мы пришли. Словно назло, память отказывалась подсказывать. Еле-еле доносится, что шагали по анфиладе, минуя окна и зеркала. А дальше?

Прижавшись к стене, старалась не паниковать. Мимо проходили люди, все мужчины. Заприметив меня, они тупили взгляд, и на мои вопросы не отзывались. Здесь всех вышколили.

Честно, я почти отчаялась. Намеревалась дожидаться, когда князь Галицкий покинет Мансура, и я смогу обратиться к пожилому учителю, но судьба вновь распределила все иначе.

Суровый властитель покинул кабинет наставника и едва в меня не врезался.

— Чего ты здесь застряла? — громко начал он. — Я же велел...

— Простите, простите, — одновременно винулась я, — я не знаю, как дойти.

В моем мире существует безумное количество шуток про топографический кретинизм. Я никогда не полагала, что буду подпадать под это определение. Но с этой поры я уверовала в похожую неспособность — отыскать путь назад. И всем шутникам советую забраться в замок или дворец, а после отыскать там выход. Это без провожатого невозможно.

Ожидала, что князь разгневется, призовет кого-то из многочисленных стражников, чтобы те проводили меня. Но он удивил. Подставил свой локоть, сам положил мою ладонь на него.

— Пойдем, провожу, — сказал утомленным голосом.

Не осмеливаясь послушаться, я медленно побрела вместе с ним. Внутри будто кипятком органы обдали, я вытянулась, превратившись в струну смычкового инструмента.

— Ты недавно здесь, верно? — спросил меня Демид Галицкий, когда мы проходили очередной коридор. — Раньше тебя не видел.

— Меньше месяца.

— И как ко мне попала, Рада? — повернулся ко мне князь.

Чувствовала, что он не меньше меня напряжен.

— Выкупили в старом имении, — бесхитростно отвечала я, — меня и сестру.

— Светленькую? — мне показалось, или в голосе мужчины проскользнуло презрение.
— Танцевала сегодня.

— Верно, — я кивнула.

Все в гареме, включая Дарину, боялись, что князь вознамерится распустить наложниц. Он не раз порывался это сделать, да мать отговаривала, настаивая на традициях. Он смирялся, пока не случался новый инцидент.

— Почему тебя, Рада, за месяц ничему не научили? Не танцевать, ни на музыкальных инструментах играть? — задал он очередной вопрос, заставляя меня отвлечься от собственных размышлений.

Я не сразу среагировала. Прошло секунд десять, что в моем случае было непростительной паузой.

— Рада? — напомнил Галицкий о себе.

— Простите, — натужно улыбнулась. — Нет во мне ни чувства такта, ни слуха. Выходит плохо. Наставницы ругаются, на уроки больше не зовут.

— И чем же ты занимаешься в свободное время? — продолжал он свой допрос.

Я пожала плечами.

— Читаю.

— Читаешь?

— Да, читаю. Разве это хуже? Про магию, старые легенды, мифы. С историей Биллярской губернии знакомлюсь.

— Понятно, — обронил Демид.

К слову, мне ничего понятно не было. Он словно маску нацепил, по которой не распознать, о чем он думает, что чувствует.

Мы завернули в знакомый холл, где не так давно я окатила водой своих обидчиц. Я, обрадованная, что нахожусь на известной мне территории, широко улыбнулась.

— Спасибо, простите, что отвлекла. Дальше я сама...

— Обожди, Рада, — оборвал Галицкий. — Все дела я довожу до конца. Пройдем до твоей комнаты.

Возразить ему не могла, воспротивиться, естественно, тоже. Так что повела нас вперед, минуя спальни конкуренток. Те девушки, у кого была приоткрыта дверь, стали свидетелями появления князя в гареме. И, конечно, все высыпали в коридор, не посмев поверить своему счастью. Надо же удостовериться.

Одно хорошо, возле моей комнаты образовалась Алия.

— Ваше Сиятельство, рада, что вы нас навестили.

— Да, — Демид обводил помещения со скучающим видом. — Нашел вашу «потеряшку», захотел вернуть.

— Спасибо, — поклонилась целительница. — Мы во всем разберемся. Рада, иди к сестре.

Ох, я едва молитву вслух не произнесла. Так хотела где-то спрятаться.

— Обожди, Алия, — твердо приказал князь. — Раду завтра вечером ко мне приведешь, хорошо?

Что я, что моя наставница застыли на месте.

— Радку? Она всего ничего в гареме, — попыталась отнекиваться женщина. — Может, выберете другую девушку?

— Мне надо повторять? — сдвинулись брови мужчины.

Алия изменилась в лице.

— Нет, конечно, нет. Простите за дерзость. — Она буквально втолкнула меня внутрь комнаты и потрясла ладонями прогоняя. — Уходи, Рада, не мешайся под ногами.

Дверь за мной затворили, и я приникла к поверхности, чтобы расслышать что-то еще. Но как назло, снаружи кто-то затопал, и мужской баритон был поглощен в шуме от множества постукиваний легких туфелек. Это только кажется, что наложницы не ходят, а плывут. Когда девицы умирают от любопытства, их походка напоминает поступь торопливого медведя.

Впрочем, меня не занимали ревнивицы. Меня хотят к Демиду привести? Меня? Он ведь сам сказал, что я ничего не умею.

Я повернулась в сторону постелей и только к этому мгновению заметила Дарину. Милая, добрая сестренка, с таким чудесным именем, смотрела на меня, словно мы не родственницы, а злейшие враги.

Уперла руки в боки, напоминая грузную мать, вытянулась, как тетива охотничьего лука. У нее и голос звенел от гнева.

— Рада, как ты могла? — под черными ресницами блестящими жемчужинками стекали горькие слезы. — Говорила, молилась, чтобы тебя милость князя обошла. Что не стремишься в его постель...

— Дарина... — я с трудом дышала.

Как объяснить влюбленной, мелкой идиотке, что это случайности? Да она сама его всего раз видела? Откуда столько разочарования?

— Ты притворщица, Радка, вот ты кто! — обиженно выпалила девушка.

Я сделала шаг к ней и протянула руку.

— Дарина, сядь, успокойся, давай обсудим...

— Нет, — дернулась она от меня, будто я способна заразить опасной болезнью, — притворщица и предательница. Счастья сестре не пожелала, забрала, украла его у меня.

Мне одновременно хотелось истерически расхохотаться и потрясти мелкую за плечи. Привести ее в чувства, заставить опомниться.

— Кого я украла?

— Демиду Галицкого у меня украла, — шмыгнула Дарина носом. — А я тебя перед всем гаремом защищала. Не давала сплетни о тебе грязные распускать. Девушки давно думают, что ты ведьма. Ведьма ты и есть.

— Какая ведьма? — я насторожилась.

Похоже, что ей успели донести о моей стычке с Элиной, Санией и Айгуль.

— Понятия не имею. Уже много месяцев себя странно ведешь. Все забываешь, всех сторонись. Может, в тебя демон вселился, а? Я слышала, как наставницы судачат о злом бесе в столице. Вдруг он в тебя забрался?

Вытряхивая из головы сущую нелепицу, я все же не останавливалась в своих попытках утихомирить бедовую девчонку.

— Дарина, это случайность. Случайность! Слушаешь ты меня или нет?

Дарина воспротивилась, заткнула уши и принялась орать, чтобы мой голос до нее не доносился. Чем привлекла внимание и других жительниц гарема.

К нам без стука ворвалось несколько девушек.

— Что, поругались сестрички?

— Старшая над младшей издевается?

Демид Галицкий, одаривший меня своей невероятной милостью, от которой мне хотелось клубком свернуться и укатиться под кровать, не задумывался, а что же будет с выбранной фавориткой. Может, Элине и другим простительно, но я в стенах дворца нахожусь всего ничего. И в своеобразной очереди обошла многих претендентов.

Мне позавидовали, меня возненавидели и моментально начали презирать. Самое обидное, что на сторону обидчиц переметнулась сестра.

Пусть родственная связь между нами не окрепло, и я нахожусь в чужом теле, но к Даринке я прикипела.

Гневные вопли сливались в один, шум в спальне и коридоре стоял невероятный. Служанки, следившие за порядком, не торопились к нам, но, видимо, их кто-то подтолкнул.

В комнату вошла черноволосая Алия в ярком халате. Ей одного грозного взгляда хватило, чтобы все позакрывали рты.

— Немедленно разошлись! — приказала она посторонним. — Услышу слово ведьма, накажу розгами.

Наложницы зароптали, но послушно потянулись на выход.

Тем временем Алия приблизилась к нам и фыркнула в сторону Дарины.

— Чего ты мне птичий цирк устраиваешь? Курицей кудахчешь? Что не поделили?

— Князя, — тихо произнесла я.

— Князя? — рассмеялась пожилая женщина. — Ты, Дарина, дурочка юная. Разве Рада может его воле противостоять? Отказаться? И почему ты ее не поздравляешь? Потом Рада и тебе помочь могла.

Помочь? Меня аж передернуло. Этого не хватало.

— Она не танцевала, — буркнула сестра, — выделилась. Специально выделилась. Полагает, что мы все глупые, ни на что не годимся. Элина ее раскусила, а вы колдунью покрываете.

— Замолчи, Дарина! — Рявкнула Алия. — Лучше и ты умом выделяйся, а не чушь городи и сплетни чужие распространяй. Вот что, будете раздельно жить. — Она огляделась по сторонам. — Не хочу всю ночь у порога сидеть и охранять, чтобы вы друг другу волосы не повывергивали. Рада, собирайся!

— Да, забери ее, — зашипела яростно Дарина. — И чтобы ноги ее в моей спальне не было.

Мне нечего было собирать. Схватила еще одно платье и расческу, выскочила наружу, чтобы не показывать сестре степень своего огорчения. Я не плакала, но заметно расстроилась, что не укрылось от мудрого взора наставницы.

— Не грусти попусту, Рада, — успокаивала она меня. — Зависть с успехами рядом ходят. Дарина одумается, вернется к тебе с почтительными извинениями.

То, что они называли успехом, я принимала за проклятие.

Алия поселила меня в комнату, неподалеку от Элины и ее зловредных подружек. Я полагала, что не засну. Глаз больше не сомкну в этом дворце, после перенесенного шока, а на деле, едва я коснулась подушки, моментально погрузилась в сладкую дрему.

Тяжко было просыпаться, когда чужие руки меня потрясли.

— Кто? — вскинулась я, почувствовав, что ладонью зажали губы.

Завозилась, задергалась.

— Это я, чего ты взбеленилась, егоза? — показала свое лицо Алия.

Женщина была одета в плащ и дневное платье, хотя на дворе стояла ночь.

— А зачем ты меня разбудила? — недоумевала я. — Что происходит?

Вместо ответа она фыркнула и бросила на постель одеяние, состоявшее из мальчишеской рубашки, курточки и холщевых штанов.

— Одевайся, — она приказала. — Учитель Мансур тебя потребовал и велел сохранить все в тайне, понимаешь?

Я кивнула, хоть до понимания мне было далеко. Зачем я понадобилась наставнику князя? Для чего? Опоздало пришло озарение, что магам в гареме не место. Видимо, меня намереваются выдворить.

Спешно одевшись, натянув удобные, мужские ботинки, точно подходившие мне по размеру, собрала волосы в косу и обернула ее вокруг головы. Алия скептически взглянула и предложила мне уродливую шапку, от которой я, конечно, не отказалась.

— Вопросов мне не задавай, — раздраженно бросила она и тяжело вздохнула. — Сама не в курсе. Ой, горя не знали, пока вас, новеньких, не привели. Ты чем-то провинилась перед ним? Зачем тогда он приказал других наложниц наказать?

Пожимая плечами, молча следовала за ней. Алия неплохая. Поболтать любит, все объясняет, очень волнуется за меня.

Мы вышли на темную, неосвященную террасу.

— Все, жди здесь, — произнесла она и пропала, словно ее и не было.

Я же начала озираясь по сторонам. В груди что-то нещадно щемило. Не могла сказать, что я расстроилась, что меня выгонят, но нервничала, понятия не имея, куда податься, куда идти?

— Мда, — послышался голос за спиной. — От мальчишки не отличить, если помалкивать будешь.

Обернувшись, я узнала фигуру Мансура. Да и интонация его, и выражение.

— Буду, — кивнула я, — но позвольте узнать, куда мы идем?

— За внешнюю стену, Рада, — пояснил учитель. — Хочешь водную магию освоить?

Судя по тому, как он спросил, на решение мне отводилось меньше секунды. Так что я очень быстро выпалила:

— Да, очень хочу.

— Вот и отлично. Молчи, глаза в пол, голову не поднимай. Спросит кто, ты мой внучатый племянник. Травы мне приносил.

— Слушаюсь.

Так мы и пошли в сторону выхода. На территории дворца на меня никто внимания не обращал. Почтительно кланялись Мансуру, кто-то особенно храбрый желал ему доброй ночи, и все, как один, не заинтересованно скользили по мне усталым взглядом.

А вот в воротах нас задержали.

— Мансур Эльмирович, куда вы на ночь глядя? — спросил кто-то из воинов, покосившись на меня.

— Перед вами еще не отчитывался, — отрезал учитель. — Вам какое дело? Али запрет на мои передвижения стоит?

— Не стоит, господин, — покался один из дозорных. — Просто немного подозрительно.

— Змей какой, — вспыхнул пожилой наставник. — Что подозрительно? У нас в княжеском доме травы закончились. Нет сердечника, кувшинки, мелкопестника. Собираюсь иду на озеро.

— А это кто? — не унимался сосредоточенный страж, глядя на меня.

В это мгновение я чуть ли не умирала, и не оживала заново. Боялась, что нас раскроют, что я неприятности своему защитнику принесу.

— Родственник мой, ученик. А ты чего языком чешешь? — окончательно разругался Мансур. — Задерживаешь меня. Как пожалуюсь Его Сиятельству...

— Простите, простите, господин, — подскочил второй мужчина, который, похоже, был старше по званию. — Молодой он, прибыл недавно. Я все открою. Хотите, охрану с вами отправлю?

— Не нужна мне охрана, ученика хватит, — выплюнул Мансур и, гордо подняв подбородок, потянулся вперед, успев ухватить и меня за рукав.

Отойдя на достаточное расстояние от дворца, я счастливо выдохнула. В воздухе словно витала свобода. Ночь пути, и я не вернусь в злосчастный гарем с его интригами и склоками. С другой стороны, идти мне все равно некуда.

— Как птичку из клетки выпустил, — объявил мужчина. — Не нравится тебе там? — он указал на возвышающиеся башенки и стену.

Именно сейчас я разумно решила прикусить язык. Какие бы мотивы ни вели Мансура мне на помощь, их он пока придерживал. А я не склонна выбалтывать свои секреты.

— Нравится, просто устала очень.

— Сейчас еще больше устанешь, Радка, — мы сошли с проторенной дороги в кусты.

Начали медленно спускаться к озеру, окружавшему крепость. Под ботинками хрустели ветки, птицы замолкли, почувствовав наше приближение.

Но чем ближе я подходила к воде, тем явственнее ощущала бодрость и силу. У меня словно второе дыхание открылось.

Дул теплый ветер, нагонявший к дикому берегу маленькие волны. Луна красиво освещала их.

— Зачем мы здесь? — задала я очевидный вопрос. — И почему вы так хотите меня обучать?

Учитель Мансур закашлялся от моей наглости.

Темнота выгодно скрывала его лицо, но от света луны отчетливо виднелись хитрющие глаза.

— В губернии водников нет, Рада. А вы, между прочим, ценные маги.

— И в чем ценность заключается? — не сдавалась я.

Что-то в пожилом мужчине меня настораживало. Он на хитрого кота похож больше, чем на человека. Интуиция буквально вопила, что я ему не просто понравилась, что он не по доброте душевной мне помогает. Он чего-то от меня хочет.

— Вода и в людях есть, — он загадочно пояснил. — Вода с огнем — стихии противоположные. Но оттого что они противоположные, они человека в балансе держат. Ты вроде спокойная девушка, — кивнул он, — а Демид пылает. Хочу, чтобы и в его душе мир восстановился.

— То есть, — я нахмурилась, — вы меня под него подложить пытаетесь?

Ну, знаете! Помощь помощью, а в подобных делах мне никакие наставники не нужны. Меня от гарема и его правил тошнит. Единственное, что не давало раскиснуть, это внутренние разговоры, страхи девушек, что Галицкий их, бедняжек, распустит.

— Тьфу ты... — наставник скривился и сплюнул на землю. — Вроде спокойная, рассудительная, а нет, глупая. Как тяжело с женщинами. Вам бы только о постели думать. Впрочем, долго будем беседы вести? Учиться будешь или нет?

Я прикинула в уме свои перспективы. Без магии, денег и знаний об устройстве этого мира далеко не убегу. А приобретя редкий навык, есть шанс выдержать все препятствия.

Настораживало и обижало, что изворотливый Мансур по факту мне на вопросы не ответил, юлил, но настаивать себе дороже.

Он словно читал мои мысли.

— Рада, не убежишь сейчас, — на его ладони заиграл сноп огненных искр. — Что ты мне ответишь?

— Буду, — я гордо вскинула подбородок, игнорируя промелькнувшую угрозу. — Что надо делать?

Потом все из него выпытаю, или в библиотеку пойду.

К практике мы преступили не сразу. Для начала Мансур потребовал, чтобы я коснулась воды, прочувствовала ее и ощутила, как внутри отзывается магия.

Я скользнула к кромке крутого берега и опустила пальцы в легкие волны. Было трудно объяснить свои эмоции.

Вода меня ласково обволакивала, будто звала, чтобы я нырнула. В груди что-то проснулось, сердце радостно распахнулось...

— Я чувствую, — изумленно посмотрела на учителя.

И ведь чувствовала: как кровь под напором льется по венам и артериям, как наполняются легкие, как мозг насыщается кислородом.

В сознании открывались неведомые картинки.

— А теперь попробуй мысли на озеро направить, — засмеялся Мансур. — Сделай с ним что-нибудь.

Я и сделала. Резко повернулась, сосредоточилась и попыталась воссоздать мощный поток, которым смела Элину, Айгуль и Санию. Но не тут-то было. Похоже, что сила проявлялась, когда я была в ярости. Сейчас поток походил на тонкую струйку.

Брызнула и пропала посреди водной глади.

— Это что? — я смешалась и, чего греха таить, расстроилась.

— Силы твои, — фыркнул наставник. — Ничего, разовьешься, сможешь весь дворец своей мощью накрыть.

Тренировка не закончилась. Мансур был огненным магом, но изучал остальные стихии. И как учитель, был терпелив и очень строг. И пожалуй, скуп на похвалу. Мучил меня до тех пор, пока струйка не превратилась во что-то более серьезное. А потом резко предложил закончить обучение.

Светало.

Я устало убрала прядки волос, выбившиеся из прически. По вискам и лбу тек пот, с трудом разогнула спину. Складывалось впечатление, будто я не в волшебстве практиковалась, а мешки тяжелые на себе таскала.

— Надо возвращаться, — обеспокоенно произнес чиновник. — Через несколько часов двор проснется. Ты, Рада, посиди, а я травы соберу.

Он засуетился рядом, обрывая кусты.

Мне было немножко стыдно, что я развалилась, облокотившись на ствол дерева, что не помогаю и не участвую в сборах. Но разум давал понять, что иначе я не дойду.

Перед входом в дом Галицких Мансур остановился.

— Все, что происходит, держим в секрете. Не делись с сестрой, она балаболка малолетняя. Скрывай от Алии. И боги тебя упаси, рассказать о чем-то Кариме Алановне.

— Почему? — недоумевала я.

Нет, про сестру и Алию понятно. Дарина рот на замке не умеет держать, а Алиа испугается, что магичку в гарем приняли, но мать...

— Со свету сживет, — отрезал Мансур, всем видом давая понять, что этот разговор поддерживать не планирует.

Загадки, сплошные загадки.

Перейдя через ворота, встретившись с теми же стражниками, которые отпускали нас ночью, я обрадованно подумала, что путешествие осталось никем не замеченным.

Но я то ли накаркала, то ли местные боги надо мной посмеялись...

Из-за угла выскочил мужчина, в котором я признала князя.

— Мансур, всю ночь тебя искал, — голос его звенел от тревоги. — Уже хотел за тобой конвой отправить.

— А что случилось? — наставник и вида не подал.

Я же чуть в панике не забилась. Опустила голову, чтобы Демид не видел моего лица, взмолилась, чтобы не узнал.

Словно назло, Галицкий мной заинтересовался.

— А кто это с тобой? Мне передали, что ты внука начал обучать? Как? И мне не представил?

Я поклонилась, продолжая изучать носки ботинок. Все органы заострились до предела. Каждое дыхание отсчитывала, каждое биение в напуганном сердце. Чувствовала, как капелька пота стекает вниз по спине, прячась в складках великоватой рубашки.

— А чего мальчонку представлять? — спокойно ответил Мансур. — Зовут его Ра... Расиль, помогает, пока может. Ему четырнадцать лет всего. Что, мне к тебе всех родственников водить? Нельзя, — закачал головой учитель. — Прознают, паломничество мне устроят, будут должностей требовать. Сам понимаешь, как я к подобному отношусь.

Князь последние слова проигнорировал, не отвлекся. Складывалось впечатление, будто он догадывается, что его дурят.

— Посмотри на меня, Расиль, — приказал Демид, и мне пришлось повиноваться.

Взглянув в карие очи мужчины, я все-таки не удержалась. Опять опустила подбородок вниз, молясь всем подряд, чтобы в предрассветный час Его Сиятельство меня не узнал.

— Расиль значит, — заключил Галицкий. — Расиль, обожди в сторонке, пока я с твоим дедушкой не закончу. И помни, что тебе великую честь оказали. Раз пришел на службу, все запоминай, я язык прикусывай. Разболтаешь любую вещь — я узнаю.

Тон у него был серьезным. И как-то верилось. Узнает.

Естественно, я быстро-быстро закивала, чтобы у князя подозрений в моем неповиновении не возникло.

Конечно, я ничего и никому не сболтну. Во-первых, о делах Мансура мне неизвестно, а во-вторых, у меня тайн поболее будет, и пострашнее.

Отойдя на почтительное расстояние, к беседе не прислушивалась. Но иногда до меня доносились отрывочные отголоски.

Демон...

Фея...

Артефакт...

Про демона что-то упоминала Дарина, и жутко захотелось расспросить у нее подробности. Но к сестрице не подойти. Она обиделась крепко и беспочвенно меня ревновала.

Ах, точно.

Овладевая магией, я совсем позабыла про завтрашний, точнее, уже сегодняшний вечер. Меня же к себе Галицкий позвал, как наложницу. И мы явно не о погоде болтать будем, и не книжки читать.

Невольно я повернулась на двух, занятых разговором мужчин, и принялась изучать Демида. Невозможно отрицать, что князь очень красивый. Весь гарем влюблен не потому, что других вариантов не предполагается, а из-за его внешности, приятного голоса, обходительных манер. Все подтверждают, что князь нежен с женщинами, никак их не третирует, никогда не наказывает. При необходимости вмешивается во внутренний распорядок, чтобы Карима Ала-новна особенно не зверствовала. В общем, все его вниманию рады.

А я...

Меня-то по-другому воспитывали. Не представляю, что лягу в постель к незнакомцу, буду на его ласки отвечать. Скорее, я превращусь в бревно, как смешно бы не звучало.

Задумавшись, я не с первого раза услышала, что меня зовут.

— Ра-силь, — окрикнул меня Мансур, — Расиль.

— Да, дедушка, — не могла не усмехнуться.

— Не стой столбом. Иди за мной, — рыкнул наставник. — Не будем Его Сиятельству мешать.

Обернувшись на темноволосого мужчину, я отметила про себя, что он стоит возле пруда, где произошла наша первая нелепая встреча. Заложил руки за спину и о чем-то думает.

Я уже намеревалась отвернуться, но он отмер, опустился к земле и поднял с травы камешек, запустив его по водной глади. Вот дурак.

— Торопись, Рада, — напомнил о себе Мансур, касаясь моего плеча. — Нечего попусту любоваться. Тебя утром вызовет мать Демида. При ней не смей зевать и казаться невыспавшейся. Не проявляй неуважения.

— Это как получится, — забурчала я.

В те мгновения, когда во мне бурлила магия, усталость проходила, но вот именно сейчас навалилась на спину как тяжеленный валун. Глаза начали слипаться.

— Я Алию предупрежу, чтобы зелье тебе дала для бодрости, — закатил глаза мой провожатый и остановился, перед входом в гарем. — Рада, встречаться будем раз в неделю, чаще не получится. В мое отсутствие тренируйся, ни с кем не ссорься, гнева на себя не вызывай. Завидуют девки, пусть завидуют. Ты до их уровня не опускайся. Терпи, слушайся.

— Хорошо, — со всеми увещеваниями я была согласна, — а как с вами связаться, если мне поговорить нужно будет?

— Зачем? — он удивился.

Я замялась. Пока не готова признаваться, но Мансур — первый в моем списке, кому я могу довериться наверняка. Ему бы я поведала про странное попадание, про жизнь в другом теле.

— Ладно, через Алию передашь, — отмахнулся от меня чиновник.

Глава 3. Рада.

Утром, сидя на общем завтраке, я отчаянно зевала. И зелье, приготовленное Алией мне совсем не помогало.

Было бы легче, находишь Дарина рядом, сестра бы развлекала разговорами, сплетнями, но она решила держаться подальше. Села вблизи моих обидчиц и шепталась с ними о чем-то, редко-редко косясь на меня.

Видимо, подруг в этом мире у меня не будет. Не с кем поговорить, не с кем душу отвести.

И раз я в одиночестве, и за мой столик никто не подсел, я «играла» с чаем. Запускала в чашке слабые волны. Чем дольше я это делала, тем увереннее становилась. Движения за несколько минут превратились в привычные.

Неожиданно я почувствовала, что за моей спиной кто-то стоит. Я охнула, прекратило все, а ко мне за стол под села черноволосая девушка.

— Привет, Рада, — представилась она. — Я Наиля.

В толпе наложниц мы, конечно, встречались, но ни разу словом не обмолвились. Ее все недолюбливали, за глаза называли ведьмой. Почему она заработала нелестное прозвище, я понятия не имела, но Дарина советовала держаться от нее подальше.

— Здравствуй, — произнесла я осторожно.

Она устроилась поудобнее и подхватила чистую тарелку, начала накладывать себе еды с общего блюда. На ней было занятно наблюдать. Наиля была пышной, розовощекой, и никак не подходила под описание истинной наложницы. Она и смеялась, не прикрывая рот, щебетала, как птичка, одновременно работая челюстями.

— Столкнулась со всеобщей завистью, да? Даже родная сестра отвернулась? Не расстраивайся, — в данное мгновение она напоминала мне какого-то жизнеутверждающего хомяка, — посплетничают и забудут. А вот сестре не доверяй, мгновенно предала. Какая она после этого родственница?

И пусть Дарина настоящей родственницей мне не была, я кинулась на ее защиту.

— Разве я спрашивала твоего мнения?

Она в моих глазах глупый и избалованный ребенок. Судьба у нее незавидная. Родители любили сверх меры, всегда жалели, последний кусочек хлеба ей отдавали, называли голубкой, красавицей. А жить крепостной в этом мире сложно. Вот она и ищет свой путь, не самый разумный. Хочется ей возвеличиться.

Или я все-таки слишком к ней добра?

— О, — дернулись брови у девицы, — ты кусаться, что ли, умеешь? Я думала ты рыба холодная. Поражалась еще, что в тебе князь разглядел.

Я наклонилась. Речи Наили мне не нравились, но по какой-то нелепой причине рядом с этой пухляшкой проходили тревоги.

— Я не только кусаться умею. Может, не одна ты здесь ведьма, — проговорила с нажимом.

И правды не сказала, и угроза подействовала. Девушка отстала, хотя бросала на меня любопытствующие взгляды.

— Я знаю, кто ты, — бросила она, дожевывая последний кусочек.

По коже моментально мурашки забегали. Голос у нее был уверенный, притихший. Никто слова не расслышал, но меня она напугала.

— В смысле? — теперь я внимательнее к ней присматривалась.

— В прямом, — Наиля вытерла губы салфеткой. — Перед другими можешь кем угодно притворяться, а я знаю, кто ты.

— Да кто же? — изобразила утомленность. — Кем ты меня посчитала?

— Магом, которому нельзя здесь находиться, — очень тихо выдохнула она. — Иномирной, про которых никому ничего не известно.

Я чуть с места не вскочила, с трудом удержалась. Повернулась к ней и долго изучала. Сколько времени прошло, и никто во мне другого человека не чувствовал. Я совершала глупости, говорила невпопад, но родные не замечали. Как какая-то брюнетка за несколько секунд меня распознала?

— Не бойся, Радка, — Наиля словно мысли мои читала. — Я тебя не выдам. Но и ты меня не сторонись, приходи вечером в мою комнату.

Тут не откажешь. Вопросы сыпались один за одним, но задавать в присутствии всего гарема я побаивалась.

Да и времени бы не хватило. Едва трапеза закончилась, как ко мне подскочила Алиа, а за ее спиной стояла женщина с каменным лицом. Сабира — главная служанка Каримы Алановны.

О ее появлении меня предупреждал Мансур. Он и о другом предупреждал: что спокойная жизнь закончилась, что теперь вдовствующая княгиня с меня глаз не спустит, раз я ее сыну приглянулась, что она побеседовать со мной захочет.

— Рада, пойдем, — поманила меня за собой наставница, — потом насплетничаешь.

Одними губами сообщив Наиле, что я приду, дала себя увести.

В голову самые разные мысли пробираются, а о Кариме Алановне я думать не могу. Мне Наиля тревожит больше, которая откуда-то знает мой секрет.

Сабира не позволила Алие меня провожать. Служанка, вообще, держалась очень высокомерно и нагло. На меня смотрела с явным осуждением.

Стоя перед резными дверями, теплого приема я не ждала.

— Входите, — услышала повелительный женский голос.

Створки распахнулись, но прежде чем переступить порог, все глубоко поклонились.

Краем глаза я уловила роскошную обстановку. В отличие от других частей дворца, Карима Алановна собирала вокруг себя привычные ей вещицы. Ноги погрузились в ворсистый, явно дорогой ковер, занавески из парчи. Лампадка с благовониями точно сделала из золота.

Княгиня была поборницей старых традиций. Ей не нравилось, что гарем разгуливал в платьях не по восточной моде, она поджимала губы, если мимо проходил стражник в мундире и с красным воротничком. Не по душе ей приходились изменения. И она раздражалась от мысли, что гарем когда-нибудь распустят. Что же ее родственники скажут?

Я знала, что Карима Алановна выросла не в Билярской губернии, ее рано выдали замуж за предыдущего князя, отправив из соседней страны. А там как раз пышным цветом расцветали старинные порядки.

— Вставай, девушка, — приказала она мне, — и подойди ближе.

До появления Демида, его мать меня и других новеньких подчеркнуто не замечала. А я с Дариной вовсе были бельмом на глазу, чересчур выделялись своей фарфоровой кожей и светлым, пшеничным оттенком волос. Я чувствовала, что не нравлюсь женщине.

— И что он в тебе нашел? — склоняла она голову то в одну, то в другую сторону.

За недолгую жизнь в гареме я уяснила, что ответ почти никогда не требуется. Стояла, давала себя рассмотреть и невольно изучала Кариму Алановну.

Следуя европейским веяниям, она тоже была в дневном платье, обычном, без бахромы, золотых вставок, чудных узоров и прочих украшений. Зато на плечи набросила мех, несмотря на теплую погоду. Вся была увешена золотом. Руки звенели от движений, на каждый палец нанизан перстень с огромным камнем.

— Тебе сегодня к моему сыну идти, знаешь?

— Да, Ваше Сиятельство, — поклонилась я в очередной раз.

— Известно, что нужно делать? — нахмурилась она и переглянулась с Сабирой. — Ее проверяли?

Унизительное воспоминание о прибытии в гарем я затолкала в самый дальний угол памяти и не вытаскивала его.

— Конечно, матушка, — торопливо принялась заверять прислужница. — Рада чистая девушка. Молчаливая, отстраненная. Ни с кем не дружит, почти ни с кем не разговаривает.

— Почему? — вопрос явно задавался мне.

К сожалению, ответов у меня не было. Что меня может с местными барышнями сближать? Любовью к Галицкому я не воспылала. Признаться честно, им даже не восхищена. Занятия и книги здесь мало кому интересны, больше танцы. Моя сестра, и то, от меня отдалилась еще до ее ревности.

— Не вижу надобности, — выпалила первое, что пришло в голову.

— Молчаливая, отстраненная? — Карима Алановна брови свои не отпустила. Наоборот, морщинка на лбу еще глубже пролегла. — Это не значит, что кроткая, тихая и послушная. Рада, ты верна Галицким?

Я аж поперхнулась от вопроса. Как на него отвечать, если не положительно?

— Верна, Ваше Сиятельство.

— Отлично, — удовлетворенно проговорила княгиня и откинулась на спинку своего кресла с позолоченными подлокотниками. — Слушайся меня, Рада. И проблем у тебя не будет. Станешь богатой, счастливой всем наложницей.

Будь на моем месте Дарина, она бы точно что-то лягнула. Дарина такая, что на уме, то и на языке. Как повели себя другие — знать не могла. Девушки с виду глупые и беспечные, а на самом деле внутри помещений царила атмосфера настоящего серпентария. Перегрызутся за внимание, за подушку помягче, за бусы подлиннее.

— Вы что-то от меня хотите? — спросила нейтрально и робким голосом.

Постаралась изображать наивную и добрую простушку.

— Хочу, девочка, — кивнула Карима Алановна. — Делай все, что от тебя требуется. Делай Демида радостным, увлеченным... Но, — ее голос изменился, а взгляд посуровел, — помни о своем месте. Сыну моему ты не подходишь, вас таких целый дворец. Поразвлекается, и хватит с тебя. Не устраивай склок, как три дуры его бывшие. — Княгиня фыркнула, явно речь шла про Элину, Айгуль и Санию, — ни с кем не ругайся, не дерись. Я буду ему невесту подбирать, пока он с тобой ночами забывается. Оставишь его довольным, я тебя озолочу, буду покровительствовать, мужа хорошего подберу.

Учитывая, что меня ни золото, ни покровительство, ни замужество не прельщало, могла ее свободно спросить: она, что, действительно надеется, что я буду шпионить и докладывать о ее сыне?

Образы из прошлого в голове не появлялись, но я-то помнила какие-то рассказы про страшных свекровей, пьющих кровь у невесток. То ли княгиня до сих пор видела в Демиде маленького мальчика (брр), то ли власти ей хотелось больше.

Но я предупредительно промолчала. Жить хотелось больше. А в том, что Карима Алановна способна меня умертвить, если тот ответ не понравится, я не сомневалась.

И выполнять ее поручение не планировала. Мне бы придумать способ, где я избегу этой проклятой ночи.

— Ты меня поняла, Рада? — уточнила хозяйка дворца. — Хочу с тобой по-хорошему, но ведь могу и по-плохому.

Судорожно вздохнув, я торопливо заверила женщину, что не смею ей воспротивиться. Лишь бы она невесту князю быстрее нашла, и от меня все отстали.

Меня отпустили. Выскользнув из жарких, надушенных комнат, я словно в холодный ручей окунулась. Отрезвела, развеяла эти щемящие и жуткие ощущения.

Умеет Карима Алановна убеждать, да только во мне ошиблась. Доносить, шпионить я точно не буду. Не за чем. Я о другом думаю: о даре, о побеге, о своем удивительном перемещении.

Жаль, что дойти до библиотеки не удалось. В висках стучали слова Наили, и поэтому, едва я освободилась, я поспешила к ней.

Жила Наиля одна, но не потому, что ей позволялось. До покоев Галицкого она так и не дошла. А потому что девушка никому не нравилась, считалась странной и опасной.

— Здравствуй, — осторожно вошла к ней.

Поспрашивать о Наиле не представлялось возможным. Алия отвечала сухо и скупое. Как я поняла, князь ее попросту жалел, поэтому и не отсылал, а женихов для чудной наложницы не искали.

— Пришла, — она обрадованно вскинула голову, — я думала у себя закроешься, будешь зубами от страха стучать.

— Как же я могла, раз ты такими загадками говоришь? Я заинтригована.

Я уселась на подушки перед низким столом. Не стремилась признаваться в своем происхождении, подтверждать ее догадки, но любопытство брало вверх. К тому же, я переживала, что своими опасениями Наиля поделится. В гареме, вообще, почти никто не умел язык за зубами держать.

— Не заинтригована, — оборвала брюнетка. — Боишься меня, но не стоит. Я тебя не выдам, говорила же уже.

— Почему? — подалась вперед. — Да и откуда фантазии, что я маг, из другого мира? Где ты такой чуши наслушалась?

— Это не чушь, — обиженно произнесла Наиля. — А самая настоящая правда.

— Не медли, — я начинала терять терпение.

— Ты когда-нибудь слышала про ясновидящих? — спросила меня чудаковатая наложница.

— Нет, — отстранилась я.

В смысле слышала, но подозревала, что мои знания об экстрасенсах в здешнем мире не понадобятся. У нас они шарлатаны и обманщики, а в этой реальности к магии относятся серьезно. Я сама маг.

— Чего и требовалось доказать, — разулыбалась Наиля. — Все про ясновидящих знают. Маги, которые всю суть видят. На ментальном уровне лечить умеют, а ежели обучаться, то рядом с ними рядом ни один стихийник не стоит. Они на его мысли влияют, на сознание.

— И что? — беспечно пожала плечами. — Ты ясновидящая?

— Нет, конечно, нет, — грустно вздохнула девушка, — я бы хотела. Но я тоже маг, — она уставилась на меня. — Такой же как и ты.

— Какой, Наиля, какой? — я вертела головой, закатывала глаза, а на деле у меня мурашки по спине ровным строем вышагивали.

Откуда она знает? Чем я себя выдала?

— Я будущее вижу, Рада, — проговорила она с придыханием, а после замолкла. Ждала что-то от меня.

— И? — не понимала ее воодушевления.

— Я знала, что ты в гареме с сестрой появишься, что будешь всех сторониться. А сестре не верь, она тебя предаст, и не единожды. Ты стихийница, верно? Водница. Мансур взялся тебя обучать.

Мои брови скрылись где-то на затылке. Как игнорировать Наилю, когда она всю мою жизнь за последние несколько недель рассказывает.

— А про иномирянство ты упомянула? — спросила ее невзначай.

— Да, — она выпрямилась. — В этом я не была уверена, но отчетливо вижу, как ты с феей разговариваешь, просишь отправить тебя домой. И она отправляет...

— Отправляет?

Голос у меня повысился, взгляд забегал. И этим поведением я себя и выдала.

Естественно, я не могла оставаться равнодушной, услышав, что путь домой существует. Правда, там фея какая-то завязана.

— Фея? — я опять наклонилась. — Что за фея?

В памяти всплыли обрывки беседы Мансура и Демида. Они обсуждали какой-то артефакт, демона и... фею. Не о ней ли шла речь?

— Дальше не буду отвечать, пока не признаешься, — скрестила руки на груди Наиля. — Я во всем права? Ты иномирянка? Водница?

Взгляд ее лучился искренним восхищением и... приязнью. А я моментально догадалась, по какой причине. Ей недоставало подруг в этом мрачном месте. С ее даром, с ее странностями дружбу заводить тяжело, молчать об этом трудно. Зато поделиться с девушкой, которая в похожем положении, занять в ее лице союзницу уже легче.

Впрочем, за последние несколько секунд очки в свою пользу она заработала. И первой выдала свою тайну.

— Да, — я кивнула. — Я из другого мира, и я водница. Ты верно рассудила. Учитель Мансур взялся меня обучать.

— С ним осторожнее будь, — Наиля округлила глаза, — он и свои планы на тебя имеет, использует.

— Ты что-то видела?

— Нет, просто чувствую, — отмахнулась девица совсем меня не успокоив.

Следующие несколько часов я рассказывала любопытной Наиле о своем мире. Вещала про электричество, кинематограф, интернет. Попутно визнавала, как же отыскать эту загадочную фею. К сожалению, у наложницы ответов не было, но она уверенно сообщила, что фея найдет меня сама. И когда найдет, я буду раздумывать, а хочу ли я вернуться в другой мир.

Смешная.

Честно, я бы с брюнеткой и до утра просидела. Когда нет нужды скрываться, говорить проще, делиться невзгодами легче.

У нее были свои беды. Она тоже не мечтала встретить старость в гареме, но вот ее будущее ей упрямо не показывалось. Карима Алановна о ней словно забыла, девушки не привечали, а наставницы и на занятия перестали звать. Наиля скучала, пока не увидела в образах меня. Знала, что мы сдружимся.

Мы заболтались, и я как-то позабыла, что ночью меня ждет Демид.

В комнату Наили ворвалась Алия.

— Что делается? Рада? — наставница меня стыдила. — Мы тебя обыскались. Скорее, скорее. Всего два часа до вечера осталось.

— Может, скажем, что я приболела? — искала я причины избежать своего свидания с князем.

— Дуру из себя не строй, — цокнула женщина языком. — Тебя даже княгиня одобрила. Не наживай врагов среди хозяев. Одних девушек хватит.

Дальше я почти и не следила за действиями Алии. Понимала, что отвертеться у меня не получится, а скандалить с ней не было никакого желания. Я не первая, и не последняя в гареме. Не сомневаюсь, что сюда попадали и другие девушки, которым быть здесь не хотелось.

После бани мне красиво расчесали и уложили волосы. Надушили чем-то сладким, очень притягательным, и принесли розовую ночную сорочку, тугой корсет и шелковый халат с длинными рукавами.

Но едва я зашла в комнату, взгляд мой упал на предмет, который я точно не оставляла. Я же только переехала, вещи распаковать не успела.

На тумбочке, недалеко от расчески, лежал клочок бумаги. Алия его чудом не заметила, потому что продолжала на меня ругаться и глупо суетиться.

Спрятав его подальше от любопытных глаз наставницы, смиренно терпела все сборы. Молчала, не плакала.

— Такая красивая девушка, — восторженно произнесла Алия, подводя меня к зеркалу. — Мину кислую убери, не на похороны идешь. Тебя, считай, перед всем гаремом выделили, а ты печалишься.

— Да, прости, — не спорила с ней и изобразила грустную улыбку.

Женщина махнула на меня рукой, что-то пробурчав под нос. Мне вроде послышалось: «Избалованные... глупые... неблагодарные.»

На недолгое время она оставила меня одну, чтобы выяснить, вернулся ли в свои покои князь. И раз она ушла, я бросилась к странной записке.

Сначала полагала, что это будут угрозы от Элины и других девушек. Подумала, что и Дарина могла написать пару строк. Но, прочитав, имя отправителя я не выяснила.

Наоборот, вопросы копились.

«Рада, милая.

Я здесь, во дворце Его Сиятельства Галицкого. Я постараюсь вытащить тебя отсюда, помочь. Потерпи немного. Будет возможность, выходи с рассветом в сад.»

Человек не подписался, никак себя не обозначил, и впала в настоящую панику. Общается со мной, словно мы близкие друзья, если не родственники. Хочет спасти, вывезти.

Но я-то его совсем не знаю. И про жизнь Рады до моего попадания мне мало известно. И речь обо мне одной, о Дарине-сестре ни слова.

Идти или нет? Не ловушка ли это от ревнивиц? А если не идти, я не теряю шанс на свое спасение? От девушек мне легко отбиться, никакой угрозы не представляют, там фонтан стоит, и пруд есть.

Чем дольше я обо всем размышляла, тем хуже мне становилось. Вся кровь с лица схлынула.

Вернувшаяся Алия всплеснула руками, кляня меня за порчу ее стараний. Но поделаться ничего не могла. Демид уже ждал, прислал своего камердинера.

На негнущихся ногах я медленно плыла по коридору. Обрадовалась, что час наступил поздний, и девушки закрылись в комнатах. Мне и без их свидетельства тошно.

Встретилась со слугой князя, кивнула, а он, поморщившись и что-то крикнув Алие, велел следовать за ним.

Женщина за мной не пошла, осталась в гареме. Даже мурлыкать радостно начала какую-то восточную песенку. Она была довольна, а я все больше и больше дрожала.

Когда мы миновали все переходы, когда я застыла перед широкими дверями и услышала спокойный мужской голос, я уже ничего не соображала.

Помнила приятный полумрак, блики свечей, танцующие на стенах, расстеленную огромную кровать. И все затмевала фигура князя.

Он выше меня, сильно шире, словно все пространство в комнате занимает. Нависает и давит собой.

Сделала шаг, потом второй, послушно склонила голову, как меня учили, и вперилась взглядом в сапоги Галицкого.

— Рада...

Створка за моей спиной затворилась. Ловушка захлопнулась.

— У тебя очень красивое имя, Рада, — сказал Демид и подошел поближе. Дотронулся до моего подбородка, подтянул повыше. — Посмотри мне в глаза, ты чего-то боишься?

Ответить не успела. Меня повело.

В глазах образовались темные мушки, постепенно замещаая собой всю картину.

Я упала, ощутив, что мне ловят чужие руки.

Виски словно тисками сдавили. Дышалось тяжело.

Почувствовала, как чужие руки елозят по моей спине, как развязывается узкий корсет, и ощущается свобода, долгожданная свобода от мучительного предмета одежды.

Глубоко вдохнула воздух, наполнила им легкие...

— Что же, ты, Рада, — слышу мужской бархатистый голос, — не захотела меня порадовать сегодня?

А я так устала, что реагировать не могу. Единственное мое желание: нормально выспаться. Точнее, заснуть, а проснуться в своей реальности. Без гаремов, без злых женщин, без князя Галицкого, который, кажется, положил меня на свою кровать.

Хороша наложница, пришла в его покои, а зайдя внутрь, рухнула в обморок.

Хотя исход был предсказуемый. Двигаясь по коридору, ноги дрожали так сильно, что я превратилась в какой-то звенящий комок нервов, состоящий из шелковых отрезков, золота и атласа.

А меня самой не было. Я пропала давно, в день, когда моя душа переместилась в этот мир.

Как ему объяснить, что боюсь Демида до одури? Что, несмотря на тяжелую роль крепостной, от привычек восточных князей далека. И что не способна лечь на белоснежные простыни и изображать восторг.

— И что с тобой делать? — раздалось надо мной.

В комнату зашел еще один человек. Я отчетливо услышала легкую поступь.

— Вы звали, Ваше Сиятельство? — узнала интонацию Алии. — Вам нездоровится?

— Нет, осмотри девушку, — впечатление, будто Демид хмурится. — Упала, в сознание не приходит. Я разрезал ленты на корсете.

— Одну минуту, Ваше Сиятельство, — проговорила лекарша и опустилась ко мне.

Приложила ухо к груди, пощупала пульс, осторожно ущипнула за талию.

Я могла отозваться, да больно не хочется продолжать эту ночь. Может, мужчина посчитает меня больной, заразной? Выберет кого-то другого? В гареме достаточно красавиц, мечтающих занять мое место. Почему он указал на меня — загадка.

— Здорова наша Рада, — хмыкнула женщина. — Переволновалась, скорее всего. Хотите, я передам все вашей матушке? Она другую наложницу пришлет?

Да-да, соглашайтесь, Ваше Сиятельство. Недостойна я вашего общества. Пусть Элина, Айгуль или Сания меня заменят. Они мне чуть платье не порезали, между собой едва не подрались ради сомнительной возможности. Оставьте меня одну.

— Значит, ничего опасного? — спросил Галицкий на всякий случай.

— Ничего опасного. Могу ей дать эфиром подышать. Мигом запрыгает, как молодая козочка.

— Нет, не стоит, Алиа, — остановил ее хозяин дома. — Пусть сама очнется. Можешь быть свободна. А, возьми... — судя по звукам, вручил ей увесистый кошелек. — Не болтай никому, что у меня в спальне случилось. Сплетни пойдут, знаю, с кого спросить.

Вроде говорит мягко, но чувствуется в голосе сила и металлические нотки. Не просит, велит.

— Как прикажете, — поклонилась женщина и, не разворачиваясь, попятилась к дверям.

Створки захлопнулись, и я снова в западне. От осознания своей неминуемой участи стало жарко. Откажу, силой же возьмет. Плевать на мое мнение.

— Вставай, вижу, что пришла в себя. — Как? И он, будто догадался, словно мысли мои прочитал. — Зрачки под веками двигались, Рада.

Пришлось подниматься и перестать строить из себя обморочную. Сползла с кровати, чтобы ненароком не оскорбить дворянина, и послушно села на ковер. Почти не двигалась, ловила на себе тяжелый взгляд и отчаянно стискивала кончики пальцев.

В последнее время на ногти смотреть страшно. Вся кожа в заусенцах, в царапинах.

— Я прошу прощения, Ваше Сиятельство, — промолвила, когда молчание стало совсем тягостным. — Понимаю, вы разгневаны. Если пожелаете позвать другую девушку, то...

— Нет, — громко отрезал Демид, стоявший напротив.

Он сократил расстояние между нами, приблизился и подхватил меня за подбородок, поднимая глаза.

Не понимала, чего он добивается. Дураку ясно, что я не хочу. И что ночь сахарной не станет.

— Что же тогда? — изогнула брови.

Он жестом показал, чтобы поднималась. Подбородок отпустил, но взялся за ладонь, а свободной рукой убрал с моего лица непослушные пряди.

— Боишься меня, да?

— Да, — подтвердила я, смущаясь одновременно и его касаний, и близости.

— Не бойся, принуждать не буду.

Я не понимала его последнюю фразу. Не будет? А зачем звал тогда?

— Простите еще раз, — снова зажмурилась. — Я не хотела вас расстраивать.

Он отпустил и даже довел до кресла, потому что вид разобранной кровати меня очень пугал.

— Как же ты в гарем попала? Я отдавал приказ, чтобы девушек не неволили. Чтобы новые меня не боялись.

Я бесхитростно пожала плечами.

— Меня купили. Человек от Каримы Алановны.

Взгляд Демиды посуровел. Видимо, я что-то выдала, болтая от страха все что ни попадя. Может, был у него какой-то разговор с матушкой, не зря же он планирует всех наложниц распустить.

Мужчина прошел дальше и сел напротив. Но от меня не отрывался.

— А ты хочешь вернуться обратно? В то место, где тебя купили?

Я заерзала. Слишком странные речи ведет. И вопрос чудной.

— Нет, — я вся сжалась, ожидая отповеди.

Разве там лучше? Да, к девкам не приставали, но крепостные с утра до ночи тяжелой работой заняты. Сеяли, за скотиной убирали, таскали, пололи, жали. Это не жизнь, а кошмар. Здесь раздолье. Дают образование. Одна плата — лежи под князем и наслаждайся. А я, по меркам мира, дура, не могу. Я не так воспитана.

— Ладно, — отмахнулся от меня Галицкий. — Не бойся, туда не верну. Просто выяснить пытаюсь, кто же ты такая. Как сюда попала, ежели не хотела? Талантов, сказала, у тебя нет, — припомнил он мне его приезд, — Мансуру чем-то приглянулась.

Внутри меня сковал лед. Сейчас он как догадается, что я маг, как выгонит меня с позором. И старика подставлю, и от Наили ничего толкового не узнаю.

— Пожалел он тебя после ссоры с девушками.

— А, — я облегченно вздохнула, — плакала я, Ваше Сиятельство, вот он и пожалел.

— Боги с тобой, Рада, — усмехнулся Демид, — в чем-то я даже доволен. Умеешь язык за зубами держать?

Ага, тайн у меня навалом. Конечно, умею. Но вслух произнесла приличное:

— Как прикажете, Ваше Сиятельство.

— Хорошо, — он присмотрелся ко мне внимательнее. — Ты новенькая, вряд ли успела спеться с моей матерью, с кем-то из служащих. Мансуру я доверяю, а вот остальные... — он

не закончил фразу. — Будешь верна мне, потом отпущу на четыре стороны, и денег дам, и свободу, хочешь?

— Хочу.

Я же не дуручка, чтобы отказываться.

— Тогда о том, что сегодня произошло, ни слова. Иди, спи, — показал он на кровать. — Я работать буду. Ты мне будешь докладывать, что моя мама тебе велит, какие слухи по гарему ходят. Между нами с тобой ничего не будет, но все посчитают моей фавориткой. Играй эту роль, подтверждай.

— За это свободу? — не поверила я. — Слишком легко.

— Кажется, что легко, — загадочно объяснил Галицкий.

Я лишь через время поняла, насколько он был прав.

Глава 4. Демид.

Отправив девушку спать, князь испытал легкое разочарование. Рада ему понравилась, с самого первого дня, с самого первого взгляда. Не похожа она была на наложниц, которые услужливо кланялись и ждали его милости. Болтала, как трясогузка, гневалась. В ней словно огонь пылал.

Вернувшись из столицы, он умудрился познакомиться с женой своего друга. С Ольгой. И преступно позавидовал побратиму. Не желал он покорности в своей суженой, не мечтал, чтобы супруга уподобилась его матери — Кариме Алановне.

Вдовствующая княгиня, выросшая среди восточных традиций, не спорила, молча со всем соглашалась, несмотря на то, что в империи гаремы запретили. Но их как запретили, так и исподтишка разрешили, чтобы не ссориться с соседями.

Демид вырос среди противоречий. И вспыхнувшая строптивость Рады пришлась по сердцу. На жену она, конечно, не тянула. Кто в своем уме на крепостных жениться, но на спутницу, на соратницу...

Ему успели нажаловаться, что она с его фаворитками поругалась, а после он встретил ее у Мансура. И потом... в саду дворца. Он сразу признал в мальчишке Раду. Не стал расстраивать их маскарад.

Чем-то девушка приглянулась и ворчливому учителю. Демид подозревал, что тот видит в ней душу погибшей дочери. Вопросы задаваться не стал, Мансуру доверял как себе, и Раду оставил в покое.

Из уст раздался затяжной стон.

Да, не так он планировал он ночь провести, совсем не так.

Уболтал светловолосую, чтобы доносила на его мать, собирался ее верность проверить. А она сдуру согласилась, не ведая, что своим согласием его капельку разочаровала.

Красивая девка... и глупая.

Позже он потолкует с княгиней о новеньких в гареме. Он же предупреждал, что нельзя набирать, что он распустить всех хочет или замуж выгодно выдать. Собирался ввести новые порядки на территории Биллярской губернии — запретить продавать детей, дочерей. Ежели семья, то не разлучать их. Мама все планы испортила, теперь еще год ждать.

Введет сейчас, скажут, что сам князь свои же правила не соблюдает.

А ему этот гарем тошен. Невозможно смотреть на влюбленные глаза наложниц, на их старания, эмоции притворные, на танцы заученные, на вымученные песни.

Мысли сами собой к Раде возвращаются. В отличие от большинства, блондинка опускала взгляд, не стремилась к нему, не хотела быть рядом. Побаивалась.

Высокая, тонкая, с голубыми, очень пронзительными глазами, она плохо вписывалась в обстановку.

Демид уточнял. Она не одна приехала, с сестрой, едва достигшей совершеннолетия. Та тоже обладала пшеничным цветом волос и яркими очами. Но едва ли вызывала в нем интерес.

Рада спала, а князь писал письма Бестужеву, Метельскому и Власову.

В столице беспорядок. Цесаревич каким-то образом умудрился древнее зло пробудить. И теперь в стране беснуется демон. А отыскать его — сложная задача. Он способен в чужие тела вселяться, если человек согласен.

Пока было затишье, первую опасную атаку отбили, воспользовавшись помощью жены Бестужева. Она со своей магией демона видела, и то... едва живой из переделки выбралась.

Теперь интуиция буквально кричала, демон за его земли примется.

Во-первых, часть артефакта, которым можно уничтожить проклятого беса, у них самая большая, могущественная.

Лежит в охраняемой сокровищнице без дела.

Во-вторых, род Галицкий один из самых известных. Их территории простираются далеко, до столицы доходят.

А в-третьих... в-третьих, Демид полагался на свое чутье.

На кого демон нападет после Бестужевых? Захочет же отомстить за первое поражение.

Раздражался очень, что в губернии недостает магов. Огненные способны отпор дать, но какой урон получают?

Обычно, в этом случае выступали водники, которыми Биларская губерния похвастаться не могла. Из их рядов выходили лекари, а огненные и воздушные становились отличными защитниками. Какие бы меры князь ни вводил, но число водных магов не прибавлялось.

Он опять обернулся на Раду. Ощущал, что рядом с ней воздух меняется. Странно.

Ему ее услуги не нужны, он и без того обо всех делах гарема в курсе, Сабира исправно доносит, но в девушке чувствовалась странная размеренность, неторопливость. Он бы назвал это мудростью не по годам.

Демид в юности узнал, что он исключительный маг. Что его силы четверым равны. Мать из известного огненного рода, отец сам по себе мощный огневик. Позже выяснилось, что подобные союзы лучше не заключать.

Сила, помноженная на силу, отрицательный эффект дает. Галицкий медленно сгорал, особенно когда пользовался своим волшебством. Этим он ни с кем не делился, даже с матерью.

Зачем? Чтобы она страдала, что не в состоянии помочь ребенку?

Мансур посоветовал заключить брак с водницей. Как назло, ни одна свободная барышня-дворянка не подходила. Он пользовался успехом у женщин, но что-то никто не стремился ехать с восточную губернию, слухи разные доносятся. Да и девушки его жутко выводили из себя. Жеманные, склочные, властные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.